

ВЕНСКИЙ КРУЖОК В ДВУХ ПРОЕКЦИЯХ

Ивахненко Евгений Николаевич – доктор философских наук, профессор. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4; e-mail: ivahnen@rambler.ru

Автор предлагает бросить взгляд на деятельность Венского кружка под двумя углами. С одного угла зрения просматриваются интеллектуальные усилия венских логиков по приведению в соответствие порядка мысли с порядком социальным и политическим в Австрии 30-х гг. XX в. Здесь «точное мышление» столкнулось с «Ничто» М. Хайдеггера и «новым порядком», сторонники которого искали опору вовсе не в логике, а в коллективном бессознательном. Другой угол зрения позволяет высветить проблему этики и ценностей, которая по-разному ставилась и решалась на языке логики и языке великой австрийской литературы.

Ключевые слова: Венский кружок, точное мышление, научное миропонимание, этика и ценности, австрийская литература

A TWO-POINT-OF-VIEW APPROACH TO THE VIENNA CIRCLE

Eugene N. Ivakhnenko – Dsc in Philosophy, Professor. Lomonosov Moscow State University. 27/4 Lomonosovsky Ave., Moscow 119991, Russian Federation; e-mail: ivahnen@rambler.ru

The author proposes to consider the activities of the Vienna Circle from two different perspectives. One approach reveals the intellectual efforts of the Vienna logicians to bring the order of thought in line with the social and political „*Ordnung*“ in Austria in the 1930s. It also brings to light the clash between the “exact thinking” and M. Heidegger’s „*Das Nichts*“, as well as the “new order”, whose adherents sought support not in logic, but in the collective unconscious. The other perspective allows one to highlight the problem of ethics and a system of values, as shaped and solved differently by the language of logic, and by the great Austrian writers of the time.

Keywords: Vienna Circle, precise exact thinking, scientific worldview, ethics and values, Austrian literature

«Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно!» Эта фраза, высказанная Мерабом Мамардашвили в интервью, которое он дал, сетуя на времена тотального словоблудия (1989), – первое, что приходит на ум, когда пытаешься осмыслить уроки, оставленные потомкам Венским кружком (ВК). То, как и в какой степени интеллектуалов Европы затронула эта проблема в 20–30-х гг. прошлого столетия, можно понять, читая программные документы, тексты статей и книг, мемуары о дискуссиях столетней давности. Но вот какое дело – история поиска «формул» точного мышления со всеми ее прорывами, поворотами, отступлениями и неудачами вовсе не оказалась отнесенной к событиям по разряду «положенных на архивную полку». Они, эти события, с удивительной легкостью воспроизводятся в головах современников, перешагнувших в своей жизни в XXI в. и взявших

на себя труд осмыслить деятельность ВК между двумя мировыми войнами.

Из вопросов, рассмотренных в докладе Наталии Ивановны Кузнецовой, выпадают, на мой взгляд, два аспекта в деятельности ВК, о которых я хотел бы высказаться. Один аспект связан с политическими событиями в Европе в 30-е гг. прошлого века, другой – с этикой и ценностями. В первом случае – это интеллектуальные усилия венских логиков по приведению в соответствие порядка мысли с порядком социальным. Точные и математически выверенные предписания ученых здесь столкнулись с силами «нового порядка», которые находили основания вовсе не в логике, а в хайдеггеровском Ничто и коллективном бессознательном. Во втором случае – этика и ценности, которые, по сути, были отвергнуты ВК как не соответствующие точности мышления. Однако это «несоответствие» отразилось в опыте переживания писателей. Язык логики и язык литературы говорили об одном, но говорили по-разному.

Порядок мысли и порядок жизни

События 20–30-х гг. в Австрии и Германии, как никогда, подтверждали предупреждение Ницше, посланное тем, кто полностью полагается на сохранение порядка, установленного общественными нормами, которые люди привыкли воспринимать как незыблемое основание. По его меткому замечанию: «Под этим основанием воют фурии». Так оно и было. Совсем рядом с уютным помещением, где обсуждались доклады и велся спор о «Логическом построении мира», разыгрывалась другая драма, в центр которой переместилось неразумное и уже не по-фрейдистски угрожающее «коллективное бессознательное». На фоне происходящего десятилетняя работа ВК (1923–1933) неожиданно приняла вид тонкого полотна, которое ткется над разрывающейся бездною.

Перед нами открывается расколота надвое австро-германская интеллектуальная жизнь. Одну ее часть представляет группа из двух-трех десятков людей, увлеченных вопросами философии, лингвистики, физики, математики, логики, либеральной экономики, школьного образования и архитектуры – и все это под флагом великого объединения человеческого знания. Во главе символического объединения интеллектуалов, связывающих себя с другими воззрениями на будущее, исповедующих совсем иную судьбу человечества, можно поставить фигуру Хайдеггера.

В глазах участников ВК, Хайдеггер с невнятицей его определенных и поисками утраченного бытия представлялся принципиальной оппозицией тому, что они создавали и к чему стремились. К ним

присоединялся и Давид Гильберт, поднявший на смех сожаление Хайдеггера по поводу того, что «наука отбрасывает Ничто и оставляет его как не имеющее никакого значения» [Хайдеггер, 1993, с. 17]. Желание Хайдеггера, как он сам признавался, «покуситься на господство логики», для Гильберта «так поучительно, поскольку, несмотря на краткость, иллюстрирует все основные способы нарушения принципов, которые я положил в основу своей теории доказательств» [Hilbert, 1931, S. 485]. Карнап, в свою очередь, также находил повод покуражиться над «бессмысленной чушью» хайдеггеровских высказываний. В качестве мишени он, как правило, выбирал «пикантные» фразы из той же фрайбургской (до ректорской, еще профессорской) лекции 1929 г. «Что такое метафизика?». Карл Зигмунд в книге с симптоматичным названием «Точное мышление в безумные времена» приводит фрагмент из переписки Карнапа со Шликом. Из Давоса он писал Шлику, что «натолкнулся на “гигантскую метафизическую тучу”, в центре которой не нашел ничего. Совсем ничего. Полнейшее ничто» [Цит. по: Зигмунд, 2021, с. 203]. Его даже забавляют по определению напрочь лишённые смысла высказывания по типу «Ничто само ничтит» („*Das Nichts selbst nichtet*“) [Карнап, 1931, р. 229], по аналогии с высказыванием «Свет светит», «Холод холодит» и т.п. Хайдеггер не оставался в долгу, ни в грош не ставя ни Карнапа, ни его окружение. С позиции непогрешимого папы римского он объявлял: «Пресловутые трезвость и всеилие науки обращаются в насмешку, если она не принимает Ничто всерьез» [Хайдеггер, 1993, с. 26].

Поразительно, насколько расходятся траектории «преодоления метафизики», которые вычертили для себя Хайдеггер и неопозитивисты. Резкое идейное и политическое разногласие сочеталось с глубинным расхождением целей – социальных и политических, – которые они ставили перед собой. Категорическое неприятие позиций друг друга отчетливо проявилось в отношении к национал-социализму. Оно сформировалось не столько на теоретическом основании, сколько на экзистенциальном. То, о чем грезил Хайдеггер в своих мистических предчувствиях и ожиданиях, последователи Шлика и Карнапа не принимали на дух, решительно отторгали и презирали до глубины души.

Уместно представить две сцены, которые сопровождают жизнь, деятельность и рождение идейного мира наших персонажей. На одной сцене мы видим Хайдеггера, ректора Фрайбургского университета, читающего лекции, обрядившись в коричневую рубашку нацистского штурмовика. Послушаем, что он вещает студентам и профессорам в заполненной до отказа аудитории: «Адольф Гитлер, наш великий вождь и канцлер, своей национал-социалистической революцией создал новое Германское государство, которое обеспечит своим гражданам стабильность и непрерывность истории. Хайль Гитлер!» [Цит. по: Зигмунд, 2021, с. 330].

Нечто иное происходит на другой сцене. Действие здесь медленно разворачивается в маленькой университетской аудитории на улице, названной в честь австрийского физика Людвиг Больцмана. Число участников ограничено десятком удостоившихся приглашения Шлика студентов и преподавателей философского и математического факультетов. Каждый второй четверг в шесть часов вечера они говорят и спорят. О чем? – Имеют ли какой-то смысл метафизические высказывания? Приложима ли математика к реальному миру? Что делает логические утверждения точными и неоспоримыми? и т.д. Как будто складывается умильная даже не картина, а картинка, состоящая из небольшого замкнутого на себе круга математиков и логиков, не желающих знать никаких проблем, кроме своей логики и математики.

Дуглас Хофштадтер утверждает: «Венский кружок придерживался крайне идеалистических представлений о мире мышления и политики» [Хофштадтер, 2021, с. 22]. Но так ли? Масштаб влияния венских логиков и математиков, конечно же, не ограничивался размерами помещения, предоставленного университетской администрацией. Свидетельством тому служат международные симпозиумы, на которые съезжались выдающиеся и передовые умы своего времени. В свою очередь и то, над чем они работали и что писали в своих статьях, вовсе не ограничивалось функциями и точностью высказываний. Среди них были и те, кто с головой уходил в политическую борьбу (Отто Нейрат); работал над задуманной еще Э. Махом реформой образования (Ганс Ган); дорабатывал по завещанию своего отца проект Австрийской школы национальной экономики (Карл Менгер); оставался яростным поборником либеральных идей (Рихард фон Мизес)... Представления большинства участников ВК о «научном миропонимании» совпадали с желанием коренным образом реформировать общественное устройство. Основанное ими в 1928 г. Общество Эрнста Маха последовательно придерживалось социал-демократических требований Красной Вены¹.

Не удивительно в связи со сказанным, что уже задолго до аншлюса (1938) постоянные участники ВК и особенно его лидеры были выбраны в качестве мишеней для публичных нападок антисемитских и правых течений Австрии. Понятно, что в сложившейся обстановке участники ВК ощущали на себе приближение репрессий, которые не замедлили наступить. Так начался беспрецедентный по размаху исход ученых – постепенный в Германии и почти мгновенный, а потому еще более драматичный, в присоединенной Австрии. В итоге, когда прусский министр просвещения спросил стареющего

¹ Красная Вена (*Rotes Wien*) – неофициальное название Вены в период 1918–1934 гг., когда во главе правительства стояли люди с социал-демократическими убеждениями.

Давида Гильберта, не пострадал ли его факультет в Гёттингене, потеряв всех «евреев и друзей евреев», Гильберт сухо ответил: «Нет, факультет просто умер».

ВК стал одной из жертв трагедии своего времени. Все это происходило на общем мрачном фоне изгнания и бегства. Фашизм и нацизм на несколько десятилетий одним махом лишили Австрию, Германию и Италию выдающихся ученых разных национальностей. Большинство из них вовсе не были самоотверженными борцами с фашизмом. Но в глазах их противников и сторонников они, по выражению Эрнста Нагеля, представлялись своего рода «*мощной интеллектуальной взрывчаткой*» [Nagel, 1936, p. 33], способной при известных обстоятельствах нанести значительный урон одним и придать столь же значительную силу сопротивления другим.

Этика и ценности на языке логики и литературы

Большинство членов Венского кружка соглашались, что говорить о ценностях строго научным образом невозможно. Еще Витгенштейн в своем «Трактате» утверждал, что в мире нет никаких ценностей, а потому «не может быть никаких предложений этики» («Трактат», 6.42). Шлик еще в молодые годы, когда учился физике у Макса Планка и восхищался Эйнштейном, прочитав «Критику практического разума», отверг ее идеи вместе со всей «метафизикой» Канта. С этих пор и до конца своих дней он придерживался мнения, что находить практическую мудрость следует в естественных науках, а если и пропагандировать этику, то эпикурейскую, а не кантианскую этику долга.

Карнап также полагал, что ценности не проходят по эмпирическому критерию значимости, и потому они лишены когнитивного смысла. Симптоматично то, как Карл Менгер, находясь в смятении, реагировал на политические события в Австрии зимой 1933–1934 гг. Он сокрушался, что эти события сделали «крайне затруднительной работу над чистой математикой», признал, что «практически ежедневно каждый сталкивался с общественно-политическими проблемами и вопросами этики». Но, оставаясь верным своему стремлению «обрести непротиворечивое и всеобъемлющее миропонимание», Менгер спрашивает самого себя: «Нельзя ли добиться, методами точного мышления, чтобы эти вопросы больше не возникали?» [Menger, 1994, p. 29, 30]. Поразительная преданность идее вкупе с наивностью кабинетного ученого. Несколько курьезной представляется последующая за обозначенными событиями попытка Карла Менгера предложить некие начала формальной этики без ценностей. Эффек-

тивный инструмент для дальнейшей разработки «этики без ценностей» он, разумеется, усматривал в математике.

Однако установленное ВК несоответствие этики и точного мышления в те же годы рассматривалось также в другом ракурсе, литературно-художественном. Речь, видимо, должна идти о глубокой смысловой взаимообусловленности, если не сказать единстве, – науки, искусства и социально-политической жизни Австрии, – единстве, которое не всегда попадает в фокус исследовательского интереса. А между тем науку, искусство и политику объединял опыт переживания их творцов и носителей. Этот опыт странным образом был локализован в столице государства, потерпевшего поражение в войне и навсегда распрощавшегося со своим имперским прошлым.

Триумф эйнштейновской и планковской физики способствовал тому, что математика и математическое образование стали чрезвычайно популярными и уважаемыми в Австрии даже со стороны тех, кто не мыслил для себя карьеру ученого. В числе таковых были популярные в межвоенные годы писатели Герман Брох, Лео Перуц и особенно Роберт Музиль. Все трое изучали математику, а при случае «открыто признавались, что черпают писательское вдохновение в излюбленных темах кружка – точном мышлении и научном миропонимании» [Зигмунд, 2021, с. 239]. Не удивительно в этой связи, что математики в их произведениях часто становятся главными героями. В 30-е гг. Брох пишет роман, по названию напоминающий фразу из задачника по математике («Неизвестная величина»). Перуц, именем которого была названа второстепенная математическая формула, в те же годы публикует «День без вечера». Главный герой романа, Георг Дюрваль, пытается то опровергнуть экономическое учение Маркса с помощью методов математического анализа, то осуществить математическое исследование, посвященное окружности и кривым третьего порядка.

Наиболее глубоко коллизию художника и ученого-математика в одном человеке смог показать Роберт Музиль. Достаточно сказать, что он отказывается от академической карьеры математика ради литературы. В 1913 г. Музиль публикует «Математического человека» с аллюзией на Бертрана Рассела. Математику он называет «наукой с дурным глазом», а литературную моду своего времени характеризует фразой: «Прочитав подряд два немецких романа, надо взять интеграл, чтобы привести себя в форму» [Музиль, 1999, с. 303–304].

Позже, в 30-е гг., когда ВК набрал обороты, Музиль устами «человека без свойств» высказывается так, как будто сам, включается в дискуссию о морали и точности мышления. «Основное чувство, заложенное в трезвость науки, – размышляет он, – ...если его из почтительности не решаются назвать чертом, то все-таки серным дымком от него чуточку пахнет». Так, «голос истины сопровождается подозрительными побочными шумами, но наиболее заинтересованные

слышать их не хотят» [Музиль, 1984, с. 348, 349]. В этом рассуждении можно услышать еще один голос, еле слышимый в дискуссиях о точном мышлении, как на заседаниях ВК, так и за его пределами. Музиль в своем герое, Ульрихе, показывает столкновение одновременно нескольких этических убеждений, связанных с математикой. Его самого заставляет задуматься не столько «острая, как нож, логика математики», сколько та сторона дискуссии, которой Шлик не придавал должного значения. Эту сторону, как он иронично замечает, представляют те, кто «в свои юные и школьные годы были скверными математиками». Они-то и предсказывают «гибель европейской культуры из-за того, что в человеке нет больше веры, любви, простоты, добра...». Автор «Человека без свойств» усматривает аргументацию, ведущую к подобного рода мрачному предсказанию, в том, что математика, «мать точного естествознания, бабушка техники, является и праматерью того духа, из которого в конце концов возникли ядовитые газы и военные летчики» [Там же, с. 63, 64].

Если для Карнапа и его окружения точность мышления никак не связана с моралью, то точность для Музиля есть нравственная обязанность, которая при случае выказывает себя тому, кто к этому мышлению хоть сколько-нибудь приобщен. Для венских логиков точность – это поиск универсального алгоритма всех алгоритмов математики и мыслительной деятельности в целом. В текстах Музиля – это опыт переживания, который индуцируется главным образом художественной формой.

Музиль, как известно, покидает «объединенную Германию» и переезжает в тихую Швейцарию, где во всяком случае утро началось не со звучащего из репродукторов военного марша и бодрого нацистского приветствия. В этом его поступке четко просматривается его отношение к нацистам. Но в то же время его отношение к замыслам близко знакомых с ним венских профессоров об установлении царства предельной точности высказываний было, с его стороны, скорее предупредительным, чем почтительным или солидарным.

* * *

Отмеченная в докладе Наталии Ивановны усмешливая интонация профессоров континентальной философии, равно как и ее стремление выразить идеи логического позитивизма в качестве «несбывшихся надежд» – все это разбивается вдребезги на фоне той драмы, которую А.Л. Никифоров назвал «разрывом ткани общественной жизни». Но линия разрыва и разлома обозначилась в 30-х гг. не только и даже не столько ввиду одних только известных политических событий в Европе между двумя мировыми войнами. Этот разлом обозначился и во всей австро-германской интеллектуальной жизни.

В известном смысле он проходил по сердцам ученых, посвятивших себя поискам «формул» точного мышления и наблюдавших, как на их глазах распадется ткань общественной жизни.

Но вот что примечательно. ВК как будто работал над такими областями применения логики и математики – «теорией значений», «логико-гносеологической моделью знания», – которые, по всем расчетам, должны были заинтересовать разве что сотню-другую таких же кабинетных европейских ученых. Однако какими-то неведанными путями их поиски вырвались из узкоспециализированной области эпистемологии и философии науки и вошли в лучшие образцы великой австрийской литературы. Они своими поисками смогли выразить нечто общее в устремлениях ученых, работающих в других странах и на других континентах. Примечательно и поучительно для нас то, что на своей родине, Австрии, в самый трагический момент ее истории, идеи ВК и все, что происходило вокруг его лидеров, приобрело отчетливое социальное антинацистское звучание.

Список литературы

Зигмунд, 2021 – *Зигмунд К.* Точное мышление в безумные времена. Венский кружок и крестовый поход за основаниями науки / Пер. с англ. А. Бродоцкой. М.: АСТ: CORPUS, 2021. С. 203.

Музиль, 1999 – *Музиль Р.* Математический человек / Пер. Г. Шинкарева // Малая проза. Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. М.: Канон-пресс-Ц, 1999. 463 с.

Музиль, 1984 – *Музиль Р.* Человек без свойств. Книга первая. М.: Художественная литература, 1984. 751 с.

Хайдеггер, 1993 – *Хайдеггер М.* Что такое метафизика? // Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. В. Библихина. М.: Республика, 1993. С. 16–26.

Хофштадтер, 2021 – *Хофштадтер Д.* Предисловие // *Зигмунд К.* Точное мышление в безумные времена. Венский кружок и крестовый поход за основаниями науки. М.: Corpus, 2020. С. 11–22.

References

Carnap, 1931 – Carnap R. „Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache“, *Erkenntnis*, 2. Bd. (1931), pp. 219–241.

Haidegger, M. „Chto takoe metafizika?“ [Was ist Metaphysik?], in: *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya*. Moscow: Respublika, 1993, pp. 16–26. (Trans. into Russian)

Hilbert, 1931 – Hilbert, D. „Die Grundlagen der elementaren Zahlentheorie“, *Mathematische Annalen*, 1931, no. 104, pp. 435–686.

Hofstadter, D. “*Predislovie. Douglas Hofstadter*” [Introduction. Douglas Hofstadter], in: Sigmund, K. *Tochnoe myshlenie v bezumnye vremena* [Exact Thinking in Demented Times: The Vienna Circle and the Epic Quest for the Foundations of Science]. Moscow: AST: CORPUS, 2021, pp. 11–22. (Trans. into Russian)

Menger, 1994 – Menger, K. *Reminiscences of the Vienna Circle and the Mathematical Colloquium*. Dordrecht: Reidel, 1994, 242 pp.

Musil, R. “Chelovek bez svojstv” [Der Mann ohne Eigenschaften], Kniga pervaya. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1984. (Trans. into Russian)

Musil, R. *Matematicheskij chelovek* [Math Man], vol. 2. Moscow: Kanon-press-C, 1999. (Trans. into Russian)

Nagel, 1936 – Nagel, E. “Impressions and Appraisals of Analytic Philosophy in Europe”, *Journal of Philosophy*, 1936, vol. 33 (2), pp. 29–53.

Sigmund, K. “Tochnoe myshlenie v bezumnye vremena. Venskij kruzhok i kres-tovyj pohod za osnovaniami nauki” [Exact Thinking in Demented Times. The Vienna Circle and the Epic Quest for the Foundations of Science]. Moscow: AST: CORPUS, 2021. 528 pp. (Trans. into Russian)